

КрР2(П)
П924
БЕРЕГ
Анатолий
Пчелкин
Стихи

Первая книга поэта

АНАТОЛИЙ ПЧЕЛКИН

БЕРЕГ

А. Пчелкин
15. X. 92
г. Магадан

Магаданское
книжное
издательство
1965

ПРОЛОГ

МЫ НЕ РОДИЛИСЬ ТАМ —
РОСЛИ
В БАРАКАХ СЕВЕРНОГО ПОРТА,
ГДЕ МОРЕ ПЕННОЕ
В СОЛИ
НЕЗАСТЫВАЮЩЕГО ПОТА;
ГДЕ НЕБО
СЕРОЕ, КАК СНЕГ;
ГДЕ СНЕГ —
И БОЛЬ,
И ОБЕЗБОЛИВАНИЕ.
ГДЕ КАЖДЫЙ ШАГ —
КРОВАВЫЙ СЛЕД
НА СЕРДЦЕ
БЕЛОГО БЕЗМОЛВИЯ!
МЫ НЕ РОДИЛИСЬ ТАМ.
МЫ ШЛИ
К ХОЛОДНЫМ РОСЧЕРКАМ ТОРОСОВ,
НАГРУЖЕННЫЕ, КАК КОРАБЛИ,
ИЗМАЯННЫЕ, КАК МАТРОСЫ...
ТЫ СПРАШИВАЕШЬ:
— ГДЕ ТВОЙ ДОМ?..
ТЫ СПРАШИВАЕШЬ:
— С ЧЕМ ТЫ ВЫЙДЕШЬ?..
Я ЗУБЫ СТИСКИВАЮ:
— ПОЙДЕМ!
УВИДИШЬ...

РОССИЯ

Я хочу положить тебе руки на плечи
крутые,
Глубоко-глубоко
В голубые глазища твои заглянуть,
Мать моя,
Жизнь моя,
Вдохновенье мое,—
Россия!
Дай взглянуть на тебя.
Дай вглядеться в тебя перед выходом
в путь.
Дай испить мне росинки
С ресниц твоих вновь увлажненных.
Я приду,
Не грусти.

Ну, а если картечью прожженный
Упаду на снегу,
Всю планету к сдающему сердцу
прижав,—

Вспомню эти глаза,
Эти веки, без сна воспаленные,
Вспомню тропы и трассы,
Которыми все же прошел,
И спокойно усну,
Как сегодня и нежный, и сильный,
Как сегодня хмельной,
От твоей предрассветной росы...
Проводи меня, мать.
В путь нелегкий собрался твой сын.
Пожелай мне широкой,
Неторной дороги,
Россия!

СОНЕТ

Все это так: и бежевые выси,
И бледность звезд, и снега звездопад.
Все это так... Над Безымянным мысом —
Простуженное кашлянье лопат,

Приглушенные шорохи шинелей,
Отрывистая сдержанность команд.
А где-то далеко — военкомат
И ломкие лиловые шеренги.

Там россыпь звезд за щуплыми плечами,
Там выспренность в напутствиях
прощальных,
И ночь, как лунь, и ветреность сердец...

Все то, что явь вычеркивает здесь.
...Призывники. Военкомат. Конец
Беспечной юности
И мужества начало!

* * *

Снег октябрьский землю белит,
Мачты,
Флейты маяков.
Противоположный берег
Далеко-далеко.

Противоположный берег,
Как потусторонний мир
Остывает. Голубеет.
Миф...
И такое впечатленье,
Что грядущая зима
Не сулит ни исступленья,
Ни горения, ни тленья.—
Просто
метео —
явленье
Для досужего ума,

Просто — снег. Да в синей дымке
Остывающей зари
Противоположный, дикий
Берег.

Бриг...

ЯРОСЛАВНЫ

Гремят в порту постылые
Стальные якоря.
Уходят люди сильные
В жестокие моря.
Уходят.
Ожидание —
Удел рыбацких жен.
В густые причитания
Поселок погружен.
Но горечь неизбывная
Слезы не замутит.
Былинная забытая
Мелодия звучит.
Как песня или музыка
Тот плач на берегу:
— Родимый мой,
Замужество
Я свято сберегу.

Но выращу ли воина
Из сына твоего,
Вдохну ли страсть и волю
Я в молодость его!
И вынесу ли горе
Безжалостного дня,
Когда и сына
Море
Отнимет у меня!
Отнимут мачты синие,
Ветра и якоря...

Уходят люди сильные
В жестокие моря.

КУРИЛКА

Мы влетаем сюда из ливня
Полосатого, как матрац,
Матерясь по отцовской линии
И по божеской матерясь.

Хрипло падают робы на пол.
Гайки звякают о болты.
Хорош-шо задубевшим лапам
Над румяной рожей плиты!

Так вот стань и усни навеки,
Чтоб ни яви тебе, ни снов...
Ах, медведи мои, медведи,
Далеко же вас занесло!..

КОЛЫМА

В. В. Португалову

Над распадком морозный запах.
По нему тебя узнаю.
Я схожу на перрон
И залпом
Магаданское пиво пью.
И, качающийся от счастья,
От святой по тебе тоски,
Не хочу искать соучастья
У автобусов и такси.
Я в попутку сажусь любую
И себя я на том ловлю,
Что безумно тобой любуюсь,
Что безумно тебя люблю!

Но,
По праву любить по-своему,
Я прошу:
Не взыщи за то,

Что я знаю,
Как ты освоена,
Кем освоена
И за что.
Перед прошлым своим в ответе,
На, поэта
Усынови!
Пусть мятежные твои реки
Бьются в жаркой моей крови,
Пусть ладони горят от зуда!..

Сквозь колючую тень хвои
Начинается день
Отсюда,
Начинается долг
Отсюда,
Начинается мужество,
И...
Да ты знаешь, какое чудо
Неразменные сны твои!!

И плевать нам на все наветы,
Если пламенем кровь полна!..
До конца,
Навсегда,
Навеки,
Подвиг поиска —
Колыма!

СПИВАК

**У ночи черные бока
И черные кусты,
И даже брови Спивака
Коричнево-густы.
Я пробовал писать стихи,
Что тишина остра,
Что спят ребята, как в степи
Цыгане у костра.
Все это было,
Но еще
Был Алексей Спивак.
(Я именами буду все
Своими называть)...**

**У ночи черные бока
И черные кусты,
И даже брови Спивака
Коричнево-густы.**

Он воздух разрубал рукой,
Доказывая мне:
— Такое дело, дорогой,
Ты понимаешь, нет!!
У каждого мечты свои,
Никто не азиат.
Упали заработки
И
Упал интузиазм.
Тут философия одна:
Куда бы там ни шло,—
Мы люди темные
И нам
Не до красивых слов.
Пусть славой тешится другой,
А я и так брунет.
Такое дело, дорогой,
Ты понимаешь, нет!
На юге хата у меня,
Жена и пацаны.
Уеду к черту.
Кабана
Куплю за полцены,
Машину — понял, нет! — куплю,
Поставлю ей гараж.
И заживу —
Кум королю.
А королеве брат.

Мне на Чукотку наплевать,
Пускай она горит!..
Так что красивые слова
Другому говори.
А я бесплатно и рукой
Не шевельну сто лет.
Такое дело, дорогой,
Ты понимаешь, нет!!

Всплыл месяц долькой чеснока
Над гаснущим костром.
Всю ночь из пасти Спивака
Разило чесноком.
...Пришла посылка от жены,
Не самогон — удав!..

Над полигоном стыли сны,
Плыла моя беда,
Да ночи черные бока,
Да черные кусты,
Да рассужденья Спивака,
Как старые холсты,
Что пахнут плесенью,
Пшеном
И пылью чердака,
И чем угодно еще,
Но
Не кровью Спивака!

Ах, как хотелось дать ему!
Но ночь дышала:
— Нет,
Ребята это не поймут,
Другой ищи ответ.
Не бей по морде. Бей по лжи.
Дай сто очков вперед.
Умри. Умри, но докажи,
Что врет он все, что врет!..

Не знаю,
Чем бы этот стих
Закончен был, когда б
Рассветный ветер не настиг
Мой тонущий корабль,
Когда б простуженный Козлов,
Отвесив гулкий чих,
Ругнувшись коротко и зло,
Не просипел в ночи:
— Да брось ты слушать подлеца,
Иди ложись,
По-эт!
Алеха — бывший полицай.
Подонок.
Понял, нет!!.

* * *

...«Не споткнись о Полярный круг».

О. Куваев

У характера тундры — своя черта:
Не растет кругом ни черта.
Только люди сильные духом живут...
Я не здесь рожден — прививаюсь тут.
Привыкаю к белым ее снегам,
Прикипаю сердцем к ее стихам.

Я встречаю в дороге лихую страсть,
И живой инстинкт, и животный страх,
И споткнуться здесь можно просто, вдруг
О предсмертный крик, о Полярный круг.

Я ходил по тундре — суровый нрав
И медвежьи клыки у ночей ее.
Приходи — коли дома тесна нора!
Уходи — если сердце тревогу не бьет!

Уходи. Улетай. На себя пеняй.
Не уверен! — Лучше не обгоняй!

V Но смотри, старик,
Не сломай каблук
О предсмертный крик,
О Полярный круг!

ПЕРЕДОВАЯ

О, взрывы, словно стоны,
Сквозь дым пороховой!
Как верно
Полигоны
Зовут передовой!
Истории уроки
На практике уча,
Я воевал на фронте
У Дымного ручья.
Там техника простая
И тактика проста:
Чтоб не было простоя,
Вторые сутки стой, а
Не уходи с поста!
Не за строку в «Вечорке» —
За каждый куб земли —
Мы по большому счету
Сражения вели!

О, взрывы, словно стоны,
Сквозь дым пороховой!
Пусть вечно
Полигоны
Зовут передовой!
Там, лезвия отвалов
Наперевес держа,
Бульдозеры вставали
К исходным рубежам.
Ломались звуки, рея
Над головами пихт,
А гидробатарея
Расстреливала их.
Так бьет береговая
По вражеским тылам...

Моя передовая
На прииске была.
И если спросят внуки:
Кому принадлежу! —
Я покажу им руки
И робу покажу.
Истории уроки
На практике уча,
Я воевал
На фронте
У Дымного ручья!

ПУРГА

Всю ночь качается вагончик.
Бросая в дрожь, сводя с ума,
Во тьме отчаянно хохочет
Сама заблудшая зима.
С сугробов простыни срывая
И жаркий смех с горячих губ,
То пляшет, как мастеровая
На обезумевшем снегу,
То вскинет белые хоругви,
То вдруг, взметнувшись на дыбы,
Стоит, заламывая руки
За телефонные столбы.
Стоит, извечностью пугая.
Гудят désinки у виска.
Простоволосая. Нагая.
Как наша лютая тоска!..

* * *

Студентке подали в столовке
Дешевый луковый салат.
Горели спелые солонки
На кромке белого стола.
Вокруг сияло все и пело,
Косыми солнцами маша.
Студентка ела так степенно,
Величественно,
Не спеша,
Что нам подумалось:
Явилось
Само земное божество.
Явилось. И не удивилось.
И ест себе. И ничего.
А мы просили книгу жалоб,
Мы зава крыли целый час,
Как будто бы земля держалась
На рыхлых завовских плечах...

Но вот в столовке стало тихо,
Как будто кто-то шикнул:
Тс-с!
Так, что пошли и стали тикать
Стенные рыжие часы.
А все мои аборигены,
В тяжелых ватниках, в унтах,
Вдруг стали так интеллигентны
И даже благородны так,
Что председатель приискома
(Неловко стало!)
Шапку снял,
Чего в столовке приисковой
Себе ни в жизнь не позволял...

Такие вот метаморфозы...
Зима стояла за стеной.
Трещали здешние морозы,
Как будто шар скрипел земной.
И лишь столовка не дышала.
За шатким столиком ее
Студентка скромно завершала
Священнодействие свое!..

* * *

Заговаривает «Спидола»
Раны мои:
Спите, мальчики,
Долго-долго,
Спите,
Разные.
Эта музыка от Адама,
От Ковчега — помните! — Ноева
Испокон веков
Ожидала
Откровенья,
Открытья нового.
Ожидала прикосновения
Слуха
Острого,
Гениального вдохновения
скрипки
Ойстраха.

Спите, мальчики.
Очень холодно.
А полярная ночь медлительна.
Пусть же греют вас
Сны Бетховена,
Руки Рихтера,
Пальцы Клиберна...

ЗОЛОТО

(Плакат)

Просто золота в мире нет...

Карты,
расстеленные на столе.
Вихри,
растерянные над землей.
Приисков двести по всей земле.
Зимников десять на шар земной.

Просто золота в мире нет.

Потные плечи
и руки — в кровь.
Слезы,
непролитые из очей.
Жаркие рты.
И язык — руберойд,
И ледяной ручей.

Сердце,
натруженное до краев!
Версты,
съедающие башмаки!
Тысячеверстные большаки,
Пройденные
Втроем!

Нет!
Просто золота в мире нет!
Золото — это и первая сталь
Новых заводов,
И грань штыка,
И лишь вчера клокотать переставшее
Сердце старейшего большевика...
Все,
Что обильно кропилось всегда
Потом и кровью мильоны лет —
Золото наше, товарищи!
Да,
Просто
Золота
В мире
Нет!

* * *

Тундра.
Снег.
Тяжелым ветром
Заметелило пути.
Гаснут угли.
На рассвете
Мне к другим стадам идти.
И опять в груди бездонной
Загудят стихи, стихи...
Я читаю монотонно,
Как считающий шаги...
Снег хрумтит моченой грушей,
Безучастен и белозуб.
Сотни шуток,
Сотни грустей
Я в груди своей несу.
Над землей туманы вьются,
Заволакивая день.

А из сердца
Строчки льются.
Ласковые.
Про людей...
Тишина над миром —
Пушечная!
Мне легко.
Иду. Пою.
Широко и длинно слушает
Тундра
Песенку мою!

* * *

Тнескин. Холодно. Пощади!
Но молчит каюр, как стена.
И на тысячу верст, поди,
Только снег да его спина,
Да пронзительный свет дневной
За широкой его спиной.

Тнескин. Тнескин. Послушай, друг!
Если я околею вдруг,
Не сердись на меня, старина,
И прости мне предсмертный хрип.
Широка у тебя спина,—
И на том спасибо, старик.

Вот уж мне и теплее. Ч-черт,
Как легко замерзать. Увы!
Лишь последняя рифма жжет
Где-то в области головы.

* * *

Зима сегодня бесконечна.
Морозно солнце. Даль остра.
Колючий снег кружится нервно
Над головешками костра.
Но жмутся к тоненькому дыму,
Промозглым инеем пыля,
Потрескавшиеся,
Седые,
Приземистые тополя.

И это все.
Зима. Россия.
В своей суровой простоте
Сугробов линии косые
Бегут по вечной мерзлоте.

ВЕСНА В АНАДЫРЕ

Нет,
Вы вслушайтесь в эти звуки!..
Тишина.
Только шорох ветра
Робкий,
Словно дыхание веера;
Только солнца смешные зайчики
В каждом домике,
В каждой улочке,
В каждом камешке вдоль Казачки
И на каждой плакатной букве;
Только запахи снега тающего
С каждым днем
Нараста...
Нарастающие;
Только звон золотистых капель;
Только щелканье фотокамер;
Улыбающиеся

Руки
С их пожатьями и хлопками!..
Ч-черт! Ведь надо же —
Тишь
Какая!..
Нет, вы вслушайтесь в эти звуки!

ПОЕЗДА ПОКИДА
СТАНЦИИ

Поезда покидают станции.
Провожающие грустят.
Непустеющие, неустанные
Под ногами перроны хрустят.
Голоса. Голоса протяжные,
Чуть с надрывинкой и тоскою.
Что-то есть в них такое просящ
И прощающее такое,
Отчего совершенно искренне
Заволакивает глаза...
На ветру угасают искорки,
До свидания, голоса!
До свиданья за перевалами!
Ведь куда бы нас ни вело —
Провода понесут над шпалами
Вашу музыку и тепло.
Может, я уезжаю в полымя!
Жизнь безжалостна и строга.

Под высоким полярным полднем
Ожидает меня тайга,
Северяне с глазами впалыми —
Моя мужественная семья,
И качающаяся, как палуба,
Промороженная земля.

ОСЕНЬ СЕВЕРА

Холодок от морошки во рту,
Да костры голубики синие.
Заскорузлые, парусиновые
Голоса кораблей в порту.
Голоса крановщиц в тиши.
Лязг металла
Сухой и пристальный.
Тишина,
Что стеклом лежит
На плечах неуклюжей пристани.
Воздух, пахнущий по утрам
Огурцами, морозом, серою.
Клубы дыма над тучным сейнером,
Появившимся из вчера...
Осень Севера.

НАЧАЛО ВЕКА

Корабли уходят в плаванье,
И, счастливый путь суля,
Машет им своими флагами
Неподвижная земля.

Провожают взглядом пристальным,
Брови сдвинув. Губы сжав.
Такелажники и приставы.
Толпы хмурых горожан.

Век двадцатый!
Подпоручики...
Пыль воскресная...
Штыки...

Но еще не знают грузчики,
Что они — большевики,
И не ведают бесштанные
Ребятишки,
Что, ей-ей,
Сами станут капитанами
Этих синих кораблей.

Не в мальчишьем представлении —
Наяву.
И на века...
Только светопреставление
Будет после.
А пока
Корабли уходят в плаванье
И, счастливый путь суля,
Машет им своими флагами
Неподвижная земля.

АВТОБУС

...Жми, автобус! Быстрее! Умница!
Чтобы ветер в ушах,—
Жарь!
Я сойду на знакомой улице,
Понимаешь меня!
А жаль...

Я сойду на знакомой улице,
Где меня каждый камень ждет.
Ржавый аист над старой кузницей
Неожиданно оживет.
Будет он трепыхаться истово,
Жестяную судьбу кляня,
И заискивающе посвистывать
Оттого, что узнал меня.

Жми, автобус. Быстрее! Шире шаг!
Не дорога, а пулемет!

У калитки старуха Жириха
Тихо ойкнет и обомрет.
Вздрогнет голос ее:
— Ой, бабоньки,
Это ж Пчелкиной Дуськи сын!..
На заборах горшки да баночки.
Во дворах доходные псы.
На углу, у ларька зеленого,
Пиво пьют, матерясь с тоски,
Пропотевшие,
Просоленные,
Прокопченные мужики.
Отвернутся,
Сквозь зубы сплевывая,
И один лишь хромой Бузин
Подойдет, протянет рублевую:
— На двоих, что ль, сообразим!..
В воспаленных глазах окалина.
Провожает меня матюком...

Ах, Иван Степаныч Подкаменный,
Что же делает твой местком!
Люди падают, люди падают.
Люди падают, черт возьми!..
Но ответит Иван Степанович:
— Ты действительность не черни.
Ишь, увидел пяток бездельников
И пошел молоть языком...

Так легко прослыть безыдейником
С этим умненьким стариком!..

Жми, автобус. Давай. Чего уж там!
Эта встреча ведь впереди.
Вишь, дорога-то,
Ровно чертушка
В разухабистых бигуди!
Нам по ней хоть пешком, хоть волоком,
Хоть под солнцем,
Хоть под огнем.
Пусть Подкаменный смотрит волком.
Мы его еще подогнем!
Все случайное перенулится,
Перемелется в прах и пух!..

Я сойду на знакомой улице.
Ух-х!!!

ФУРАЖКА ДЕДА

Я постигаю таинства простые
Несложной жизни. Тихой. Не тревожной.
Встаю с рассветом. Шумно умываюсь,
Махровым утираюсь полотенцем,
И дед мой просыпается чуть свет,
Садится на завалинку и долго,
Упорно ждет, пока поспеет чай.

У дедушки морщины, что овраги.
Седые брови. Борода седая
И черная высокая фуражка
На голове серебряной его.
Люблю я деда. Не люблю фуражку
С ее назойливым, невозмутимым
сходством
С чем-то тяжелым и непоправимым.
А с чем — не знаю. Да, не знаю:
с кем!!

А дед мне тихо задает вопросы:
— Ну что, Москва,— поболе будет нежли
Донбасс, к примеру, Свердловка,
Луганск!..

Я полотенце вешаю на шею,
Сажусь к столу и чаю наливаю
В высокое каемчатое блюдце
С отколотым кусочком на боку.
А дед опять:
— И что б твоей Сибири
Поближе быть! Тогда бы я пешочком
Пришел к тебе и приготовил чаю,
И блинчиков горяченьких испек.
А это что ж. Ить даль, гляди, какая.
И снег, поди. В сугробах заблужусь...

У дедушки морщины, что овраги.
Седые брови. Борода седая.
И грустные глубокие смешинки
В лукавых угасающих глазах.

А чай остыл. Я молча поднимаюсь,
Закуриваю и иду к калитке.
А дед мне в спину грустно говорит:
— Что ж чай не пьешь!
Ай, не привык в Сибири!
И как ты там в Сибири и без чая!!
А я без чая дня не проживу...

Рассвет сиренев. Лают паровозы
На станции. А там из-за посадки
Выкатывают огненное солнце
Чумазые донецкие копры.
И все мне интересно в этом мире:
Как зреют вишни. Как цветет
картофель
Как стол в саду стоит на трех ногах.
Как утро пахнет...
Яблоками. Серой,
Которая горит на терриконах
И о которой дед мой говорит:
— Ажной всю жизнь и нет ей укорот
Бывалыча деревня как деревня:
И пропасти на нее нету. Тьфу!
Гармошка. Девки. Яблоками пахнет
И хлебом аржаным на сеновале.
А над селом такая тишина!..

Я тоже тишину люблю. Мой домик
Стоит всего в семи шагах от моря.
И всякий раз, когда ложится вечер
На плечи горизонта, плечи улиц,
Я забываю обо всем на свете
И на берег с тетрадкой выхожу.

Вы видели когда-нибудь ночное,
Спокойное, размеренное море,

Насыщенное рифмами и снами
И таинствами белого стиха!..
Ночное море. Как живое тело,
Оно лежит у ног моих. И дышит
Тяжелыми, упругими боками
И мирно пережевывает гравий
На тихом каменистом берегу.
Ночное море. В сумерки уходит
Последний катер пассажирский. Звезды
Все ярче разгораются. Мигают.
И падают на землю по наклонной,
Как факелы. И вспыхивают разом
На берегу рыбацкие костры...

Рассвет оранжев. Дед уходит молча,
Прихрамывая. Медленно ступая.
Весь сгорбленный и весь
в невозмутимой
Фуражке довоенного покроя,
В фуражке, что как будто говорит:
— Эх, бабку бы твою! На посиделках
Бывало так рассказывать умела.
И пела. И плясала. Да куда там!
Поди жила б, кабы не Соловки...

СЕНТЯБРЬ

I

Проснись со мною на заре,
Проснись и затаи дыханье
И слушай лета затуханье
В сгоревшем пне, в замшелом кам

В такую пору в сентябре
Природа говорит стихами.

О, как чисты ее уста
И как звучанье в них бездонно,
От придыхания до стона!..
Сравненья лучшего достойна,
Ступает медленно с холста,
Как Рафаэлева Мадонна —
Заря — ты чувствуешь! — Заря!
Иди ж по скошенному лугу,

Отдайся зрению и слуху...

. . . .

Я на излете сентября
Лечу горючую разлуку.

II

Гуси. Гуси летят. Улетают.
В чьи-то мысли влетают и тают,
Как снежинки текут по стеклу.
А сентябрь колесит по селу,
На лету поджигает осины
И стучит листопадом по рамам...

Это ты или клекот гусиный —
Телеграфом по огненным ранам!

О, как больно твоим телеграммам!
Тем не менее — слышишь! — гуси.
Тем не менее — видишь! — осень
По сердцам, областям и странам
Куролесит, срывая крыши,
Без особых на то усилий...

Не пиши мне. Пожалуйста. Тише!
Слышишь — клекот гусиный!

III

Не грусти. Ниспаданье листа
Обещает симфонию всплеска...
Слышишь — горечь слетает с лица
Упоенного осенью леса.
И всю ночь меж деревьев его,
На струнах обнажившихся веток
Воспевает свое естество
Подгулявший на радостях ветер.

Не грусти. В этой осени — я.
В этой осени, в этом круженье —
Обнаженная сущность моя
В музыкальном ее выраженье...

ДЕРЕВНЯ

Деревня машет топорами.
Добры и скоры топоры.
Еще неделя — вставят рамы
И застеклят их изнутри.

Замажут клейкою замазкой,
Затопят печи,
И блины
С домашней кислою закваской
Лупить возьмутся пацаны.

А там, глядишь,
Под воскресенье,
Едва закончены дела,
Вдруг разом вспыхнут новоселья
На всех окраинах села.

И тут уж в полном беспорядке,
Отчаянно и широко

Зальются тульские трехрядки
В руках тамбовских мужиков.

Ах ты, едрит твою в коренья!..
Вот на мозолях этих рук
И продолжается издревле
Русь...

ХУДОЖНИКИ

I

На тысячу миль ни одной души,
Ни одного огня...
Чего они ждут у моря, скажи,
Сидя по целым дням?..
Русалки не выйдут из этих волн,
Волосы растрепав.
Лишь грубые скалы целуют его,
Губами к прибою припав.
Да с темного берега, где роса
И голые камни спят,
Нацелила в море свои паруса
Палатка этих ребят.
Палатку полощут прямые ветра,
Косые дожди секут.
Вмещает в себе миллионы секунд
Жестокая эта игра.

Но мальчики чинят карандаши
И смотрят поверх меня...

На тысячу миль ни одной души,
Ни одного огня.

II

День догорал на крыльях ив,
И в их багряном оперенье
Фосфоресцировал прилив
Невоплощенных акварелей.

А было это неспроста.
День догорал, но не был дожит,
И откровение холста
Еще в себе таил художник.
Всем телом трепетно дыша,
Лишь он улавливал рожденье
И тайный гул произведенья
В сердечнике карандаша.

А день спокойно догорал,
И ивы медленно летели,
Как будто всполохи костра,
Как ленты огненной метели.

УКРАЛИ

Аленушке

Пусть ни о чем меня не спросят.
Я расскажу,
Что расскажу.
Ни с чьих я плеч вины не сброшу
И ни на чьи не положу.

Пусть загсы сводят и разводят.
Пусть жены любят нас
И нет.
Но от меня вот дочь уводят.
Уводят в непроглядный свет.

Уводят умно, а не глупо.
Через снега
Наискосок.
И будет дочь влюбляться в Глюка,

Знать Элюара,
Пикассо.

И будут у нее: и радость,
И путешествия, и сны,
И поцелуи на веранде
С одним из рыцарей весны...

Ее уводят,
Очень нежно
За ручку тоненькую взяв.
Мне говорят, что это нужно,
И я не говорю — нельзя.
И я не проклинаю вора
И счет не предъявляю,
Нет.
Мне только грустно видеть св
В который
Дочь мою
Уводят...

* * *

Мои друзья ревнивы и строги.
Не обижаясь, что пишу им редко,
Они читают все мои стихи
И судят о них коротко и резко.

И ходят на работу.
На селе
Проблемы неотложные решают.
И все мои сомненья разрушают
Уж тем, что существуют на земле.

* * *

О бог, отдай мои слова!
Отдай,
Не то — до трех
Считаю — р-раз!
Считаю — два!
Верни, верни мои слова!
Отдай! Мои!
Вер-нешь!..
Я задыхаюсь в немоте,
Но холоден, как нож,
Язык мой.

Дай! Убью. Не те!
Не те слова даешь!
Клокочет в горле кровь.
Жива!
И сердце горячо!
Не ври, не тронь, я жив еще!
Верни мои слова!

Переводы

АНТОНИНА КЫМЫТВАЛЬ

* * *

О, нет!
Она на поэтов не сердится
И горечь свою умеет вынашивать.
Таков уж закон материнского сердца,
Которое, видно, всегда одинаково.
А мы, молодые, о том забываем.
Мы мамой чужую ее называем.
И горести наши несем ей на суд,
Как только родителям дети несут.
Конечно,
Она нас, беспамятных, вылечит.
Конечно,
Она нас, беспутных, выучит,
Согреет теплом материнского сердца
И снова останется просто соседкой,
Которую мы позабудем до завтра.
«...Обычная женщина. Домохозяйка...»

Перевод с чукотского

МИХАИЛ ВАЛЬГИРГИ

ПОЯВЛЯЮТСЯ ПРОТАЛИНЫ

Лениво плещутся ветра
В сетях, весной расставленны
И смотрит солнце Севера
На первые проталины,
На первые побеги,
На зайчиков в воде,
На первые победы
Товарищей людей.

Весна! —
И звонче звуки,
И ярче солнца луч,
И падают сосульки
На донышки луж!
И важничают важенки,
От зноя раздобрев...

А я, забыв про варежки,
Глазею на апрель:
Стоит с утра до вечера
И снова до утра
Весеннее,
Доверчивое
Солнце у яранг!..

РАБОЧИЙ

Когда поднимается солнце
И медленно повисает
Над линией горизонта,
Очерчивающей село,—
Из дома, обитого толью,
Из дома, объятого ветром,
Из дома, примерзшего к снегу,
Выходит простой человек.

Шагните ему навстречу.
Шагните и улыбнитесь
И громко скажите:
— Здравствуй,
Товарищ Ыттувьикай!
Пусть будет тебе дорога
Под небом высоким и чистым,
Пусть будет веселым солнце
Над головой твоей!..

И он вам ответит:
— Етти![1]
Вельынкукун[2], товарищ...
И чуткое эхо песней
Подхватит его слова,
Слова твоего товарища,
Ровесника и соседа,
Слова бригадира плотников,
А моего — отца...

Когда опускается солнце
И медленно уплывает
За линию горизонта,
Подчеркивающую село,
К дому, что в самом центре
Маленького поселка,
К дому, что в центре мира,—
Рабочий идет человек.

Перевод с чукотского.

---

1 Е т т и — здравствуй (*чукот.*)
2 В е л ь ы н к у к у н — спасибо (*чукот.*)

ВАСИЛЬ ЮХИМОВИЧ

ПО СЛЕДАМ ВЕЛИКОГО КОБЗАРЯ

1

Облезлый, будто старый карандаш,—
Столетний шпиль над караван-сараем...
Кобзарь и ночь.
И он глядит туда,
Где магометов месяц догорает.
О, думы рекрута!
Пустая ночь молчит.
«Ни доброго, ни ласкового слова...»
А все искусство — разве вот мечеть,
Что встречь ему построил брат Брюллова.
Как будто знал...
Теперь она вела
Тараса к братьям, к родине и в битву,
Пока гнусавым голосом мулла
Сзывал купцов бухарских на молитву.
Стоял Тарас.

И сердцем слушал темь.
И вера
Сердца грустного касалась...
Брел Оренбург, прихрамывая, в степь.
С «волчками» звезд
Она тюрьмой казалась.

2

Вот караван-сарай.
Отсюда в путь
Давно ушли купцы различных гильдий.
Отныне здесь геологи живут —
Разведчики и золота, и меди.
И в планетарий —
Не в мечеть теперь,
Поскольку в звездный мир «всегда готовы»,—
Идут за пионером пионер —
Гагарины, Поповичи, Титовы.

3

На плахе лет борцов всегда карали...
Фельдфебель муштровал: «К ноге!.. Коли!..
От Орской крепости и до Арала,
В зной приисков заброшенной земли.
Под грустный звон солдатских амуниций,
Под скорбный скрип пропыленных подвод,

В одной из самых трудных экспедиций
Пророк свободы выходил в поход.
Погоны царские на плечи — будто гири!
Горячий ветер.
Приторная пыль.
Понурив головы, казаки и башкиры
Глядят на жухлый выжженный ковыль.
Пески.
Пески.
Над степью обреченно
Скулят возы, от зноя обалдев.
А он, солдат, художником, ученым
На землю эту щедрую глядел!
Ползли возы от Оры до Иргиза,
И удивлялись всадники не раз:
«Какого лешего в песок горячий лезет
Крамольною рукой этот Тарас!..»
Он пробу брал.
Он брал песок на ощупь.
Сыпучий кварц меж пальцев пропускал.
«Земля родная! Кто! Когда захочет
Богатства взять из твоего песка!!
Ведь если кварц — то золото же близко.
Чем черт не шутит, а глядишь — тебе
И новый бы родился Сан-Франциско
В Зворской неизведанной степи...»
...Скрипела степь возами и возками,
А он смотрел взволнованно окрест...

4

Где останавливался он —
Мы отыскали
И золото, и никель, и асбест!
...Здесь Кобзаря, как и повсюду, лю
И, как повсюду, говорят всегда:
— Идите по стопам героев, люди,—
На их стоянках
Стройте города!

Перевод с украинского.

Содержание

3. Переводы

Анатолий Александрович ПЧЕЛКИН

БЕРЕГ

Первая книга поэта

Магадан. кн. изд-во. 1965. Стр. 68.

Редактор **А. И. Потехин.**
Художник **Л. А. Серков.**
Художественный редактор **Д. Д. Власенко.**
Технический редактор **В. В. Плоская.**
Корректор **М. Л. Лисичкина.**

Сдано в набор 8/IV 1965 г. Подписано к пе
4/VI 1965 г. АХ—01920. Формат 60×84/32. О
2,13 физ. п. л., 1,98 усл. п. л., 1,66 уч.-изд. л. Заказ
Тираж 3000. Цена 8 коп.
Магаданское книжное издательство, г Магадан,
ул. Пролетарская, 15.

Магаданская областная типография Управления
по печати.

8 коп.

